

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ХРАМЫ В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ

Часть 2

Морской Николо-Богоявленский собор

Здание Николо-Богоявленского собора располагается на берегу Крюкова канала, соединяющего реки Мойку и Фонтанку. При Петре I на территории, занимаемой ныне Николо-Богоявленским собором, были расселены морские адмиралтейские служители, и для них был устроен Корабельный (или Морской) полковой двор, на котором первоначально была возведена часовня во имя святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских, покровителя моряков. В 1732 году на ее месте, рядом с новыми домами для морских служителей возле Глухой речки (будущего Екатерининского канала) была построена полотняная, а спустя 11 лет, в 1743 году, — большая деревянная церковь во имя Св. Николая. Через 9 лет деревянный храм обветшал, и указом от 16 апреля 1752 года императрица Елизавета Петровна повелела строить здесь каменную полковую церковь. Сделать проект и строить по нему храм было поручено состоявшему при Адмиралтействе архитектору Савве Ивановичу Чевакинскому.

15 июля 1753 года, по окончании земляных работ, архиепископом Санкт-Петербургским Сильвестром и генерал-адмиралом князем Голицыным был заложен каменный собор. Главный алтарь нижней церкви собора был освящен 5 декабря 1760 года во имя святителя Николая Чудотворца в присутствии императрицы Елизаветы Петровны. 20 июля 1762 года была освящена верхняя церковь во имя Богоявления Господня; освящения проводились архиепископом Санкт-Петербургским Вениамином в присутствии императрицы Екатерины II, которая повелела впредь именовать новопостроенную морскую полковую церковь собором. Двухэтажное здание Николо-Богоявленского собора увенчано пятью широко расставленными куполами.

В 1756—1758 годах западнее собора на достаточном удалении от него была выстроена по проекту С. И. Чевакинского четырехъярусная колокольня, одна из самых совершенных по красоте построек елизаветинской эпохи. Три нижних яруса колокольни декорированы колоннами; верхний ярус увенчан небольшим куполом с тонким изящным шпилем. На колокольне были установлены колокола для церковного звона и боевые часы с курантами, отбивавшие каждые четверть часа. Колокола для боя часов были отлиты в Москве на заводе Можухина.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Из записок барона Христиана Генриха фон Гайлинга (1770): «В первой половине дня 25-го сентября участвовал в богослужении в Матросской церкви в честь большой победы русского флота над турецким¹. Императрица появилась, выступая впереди всего двора. Богослужение проводилось обычным порядком. Праздничная обедня продолжалась, по крайней мере, 5 часов. У католиков имеется много церемоний в богослужении, но это ничто по сравнению с русскими. Судите сами, как это _____². Обедня служится петербургским архиепископом. Церковь является прекраснейшей в городе. Самое примечательное состоит в том, что она построена в 2 этажа, на позолоте не сэкономили. У входа в передний двор стояли матросы и морские пехотинцы в парадном строю, от церковных дверей до алтаря выстроились по обеим сторонам кадеты морского корпуса»³.

Уже после строительства колокольни, в 1780–1787 годах, по распоряжению императрицы Екатерины II рядом с собором был прорыт Никольский (позже — Крюков) канал, и здание колокольни оказалось стоящим на набережной и отражающимся в водах канала⁴.

20 июля 1787 года Франсиско де Миранда оставил в своем дневнике такую запись: «Гуляли вдоль прекраснейшего канала Фонтанка, видели зимнюю и летнюю церкви Моряков, необычайно красивые, близкие по стилю к итальянским»⁵. А в следующем, 1788 году, Луис дель Кастильо упомянул про тот же храм: «Лучшая церковь в Петербурге — та, которую именуют Церковью Моряков: она выстроена в два яруса, в нижнем есть печи для зимнего времени, а в верхнем — алтари и запрестольные образы Девы Марии в богатых окладах»⁶. В обоих случаях авторы — венесуэлец и испанец — имели в виду Никольский военно-морской собор.

Вот еще одна запись, очень краткая, принадлежит швейцарскому пастору Этьену Дюмону. «...Я посетил несколько русских церквей; внутренность их не походит на церкви во Франции и Англии. Некоторые — в два этажа, один внизу — зимний, другой наверху — летний»⁷.

Никола-Богоявленский собор лежал в стороне от традиционных маршрутов иностранцев, посещавших Петербург. Тем большую значимость приобретает описание этого храма, оставленное нам французским аббатом Жоржелем в конце XVIII века. «Церковь святого Николая Матросского (Морского. — *Авт.*) — одна из самых посещаемых в С.-Петербурге; она двухъярусная, с нижним и верхним этажом: это местная приходская церковь. Нижний этаж представляет храм со сводами и столбами; здесь находится много маленьких часовен с иконами Богородицы и Николая Угодника; в каждой горят лампы. В дни покаяния, особенно при приближении Пасхи, эта подземная церковь наполняется лицами обоего пола, которые кладут здесь земные поклоны и крестятся. Так как она обширна, то священники помещаются в разных местах, читая ектении и молитвы...»⁸

В сообщении академика И.-Г. Георги, посетившего храм в 1790-х годах, также можно найти много интересных подробностей о Никола-Богоявленском соборе. «Цер-

¹ По случаю Чесменской победы 24–26 июня 1770 года.

² Пропуск в тексте.

³ Записки барона Христиана Генриха фон Гайлинга о поездке в Россию в 1770–1771 гг. // Новая и новейшая история, 2000, № 5. С. 128.

⁴ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 61.

⁵ Миранда Франсиско де. Российский дневник. Москва–Санкт-Петербург. М., 2000. С. 140.

⁶ Кастильо Луис дель. Краткий хронологический компендиум истории и нынешнего состояния Российской империи // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 37–38.

⁷ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 году // Голос минувшего, 1913, № 3. С. 105.

⁸ Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1913. С. 130–131.

ковь св. Николая Чудотворца, которая по принадлежности своей к Адмиралтейству называется также Морская, находится на том углу, где Екатерининский канал с правой стороны Никольского соединяется, на приятной, деревьями и решеткою окруженной площади. Она построена в два высоких яруса, со многими выдающимися вперед углами, столбами коринфского ордера и другими украшениями. На кровле около одного большого купола сделано 4 меньших, покрытые все медными листами, крепко через огонь золоченными, что при солнце весьма блистает. Колокольня отдалена от церкви более нежели на 20 сажен; она узка, вышиною около 50 сажен и выстрое-на с хорошим вкусом.

Во внутренности имеются две церкви: нижнюю топить можно, и потому называется она зимнею, а верхняя — летнею. В нижней церкви отправляются зимою в торжественные дни молебствия всем здешним духовенством. Обе богаты резьбою, позолотою и другими украшениями, также и хорошо писанными иконами; особливо же в летней церкви, которая гораздо великолепнее, находится много богатых и драгоценными камнями украшенных икон угодников Божиих. Екатерина Великая после побед, одержанных над шведским флотом в июне 1790 года, посвятила в сию церковь 5 икон, золотом и драгоценными камнями украшенных, изображающих тех святых, коих память празднуется в дни оных побед⁹. Читаешь, и кажется, что ничего не изменилось за истекшие столетия в старом храме. Но нет — найдется все же, что добавить к описанию аккуратного немца...

В начале XIX столетия другой немецкий писатель — Генрих фон Реймерс также посвятил Николо-Богоявленскому собору несколько строк: «В 1743 г. по приказу императрицы, частично на собранные тогда „мостовые“ деньги, была построена каменная Никольская, или Матросская, церковь. Она относится к числу великолепнейших в резиденции и включает в себя две церкви: нижнюю, отапливаемую, называемую, согласно обычаю, зимней, и верхнюю, летнюю. Обе церкви, особенно верхняя, богато декорированы позолотой и другими украшениями. На церкви — большая главка и вокруг нее четыре поменьше, все они покрыты позолоченной медью, которая при солнечном освещении производит большое впечатление. С галереи колокольни высотой в 50 саженей, относящейся к церкви и отстоящей от нее на 20 саженей, можно любоваться видом на значительную часть города. Никольская, или Матросская, церковь стоит на правом берегу Никольского канала, рукава Екатерининского канала, на прелестной площади, окруженной деревьями и решеткой. Большая каменная церковь Спасителя на Сенном рынке также построена во времена Елизаветы и немало способствует украшению названного места»¹⁰.

В 1835 году в России побывали английский путешественник Лейч Ричи и художник Альфред Гомерсал Викарс. По возвращении на Туманный Альбион они издали книгу, озаглавленную «Путешествие в Петербург и Москву через Курляндию и Ливонию Лейча Ричи, с двадцатью пятью прелестными гравюрами первого мастера художеств А. Г. Викарса, эсквайра». В числе прочих гравюр в книге были помещены все традиционные «виды», в том числе Казанский собор, Петропавловская крепость, а также Троицкий и Никольский соборы, расположенные близ Фонтанки¹¹.

В 1839 году маркиз Астольф де Кюстин любовался Морским собором из окна Зимнего дворца. «Передо мной простиралась большая часть Петербурга с его набережны-

⁹ Георги И.-Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 274.

¹⁰ Реймерс Генрих фон. С.-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.; Росток, 2007. С. 181.

¹¹ Кросс Энтони. Петербург глазами британских художников (XVIII — начало XX в.) // Образы Петербурга в мировой культуре. СПб., 2003. С. 478.

ми и шпилями; то была картина, достойная кисти Брейгеля Бархатного¹². Краски этой картины не поддаются описанию; главы собора святого Николая синели на фоне белого неба, — писал французский путешественник. — Весь город, казалось, окрасился в тот же синий цвет, что и собор святого Николая, и уподобился заднему плану, который часто встречается в картинах старых мастеров; эта фантастическая картина, написанная на ультрамариновом фоне в позолоченной раме окна, каким-то сверхъестественным образом противоречила роскошному убранству и искусственному освещению дворца. <...> Вид неба был настолько поразителен, что человек с воображением мог бы счесть, что во всей Российской империи, от Лапландии до Крыма и Кавказа, от Вислы до Камчатки, Царь Небесный подает какой-то знак царю земному. Северное небо щедро на предзнаменования. Во всем этом таилось нечто удивительное и даже прекрасное»¹³.

В нижней церкви Николо-Богоявленского собора находилась почитаемая в народе икона Николы Чудотворца. Эта икона середины XVII века была подарена греческими моряками храму, стоявшему ранее на месте Никольского собора. Сначала она размещалась в верхней церкви собора у левого клироса. Святитель Николай прославился помощью бедным, исцелял от тяжелых болезней, совершил при жизни много чудес; но особенно почитаем он как спаситель погибающих в море и покровитель моряков. На русских кораблях всегда имелась икона святого Николая. Во время бури и шторма икону выносили на палубу и молили о спасении от кораблекрушения.

Одной из самых почитаемых святынь собора является образ Николая Чудотворца, вывезенный из России французами в 1812 году, но затем в 1835 году поднесенный прусским подданным Борнегофом императору Николаю I¹⁴. Благоговейно сохраняется в соборе и другая святыня, связанная с памятью покровителя этого храма. Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I, во время своего пребывания в Неаполе изъявила желание иметь частицу мощей св. Николая Чудотворца. По возвращении же в Россию она повелела передать святыню в Никольский собор, что и было исполнено 5 декабря 1847 года¹⁵. Вместе с частицей мощей св. Николая в соборе хранится и частица мощей святого Александра, мученика I века; она также была передана в собор императрицей Александрой Федоровной.

У северной стены верхней церкви стоит небольшой саркофаг из красного дерева, подаренный ранее русским Пантелеимоновским монастырем на Афоне Афонскому подворью в Санкт-Петербурге. Когда в марте 1933 года подворье было закрыто и почти все (еще в 1932 году) монахи арестованы, саркофаг удалось передать в Николо-Богоявленский собор.

Богоявленский Никольский собор часто называют в народе собором Николы Морского. Это один из немногих соборов города, который не закрывался на протяжении всей советской эпохи. 6 апреля 1918 года он перешел из Морского ведомства в разряд приходских. В 1922 году в нем, как и в других соборах города, было произведено изъятие церковных ценностей. С 1941 года Никольский Богоявленский собор стал кафедральным; его избрал своей резиденцией митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей I (Симанский), служивший в храме с 1941-го по 1944 год на протяжении почти всей 900-дневной блокады города. В 1945 году владыка Алексей был избран Патриархом¹⁶. Собор являлся кафедральным до 2000 года; после него «первенство» перешло к Казанскому собору.

¹² Брейгель Бархатный (1568–1625) — фламандский живописец, отличавшийся деликатностью колорита и пристрастием к идиллическим пейзажам.

¹³ Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 189.

¹⁴ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 62.

¹⁵ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. С. 99.

¹⁶ Шульц С. Указ. соч. С. 63.

Часовня Святого Николая Чудотворца

К исходу XVIII века в Петербурге имелся лишь один мост через Неву — от старой Исаакиевской церкви к Васильевскому острову, да и тот был наплавной, то есть деревянный. Только в 1842—1850 годах был сооружен первый постоянный Благовещенский мост. Дело по тем временам новое, а потому ответственное. Существует легенда, по которой император Николай I, ознакомившись с инженерным проектом, повелел повышать Кербедза в звании за каждый построенный пролет моста. Сообразительный инженер тут же доработал проект и увеличил количество опор с пяти до восьми. Как бы там ни было, начиная строительство в звании капитана, завершал его Кербедз уже в генеральском чине¹⁷.

В 1854 году посредине моста была воздвигнута часовня Святителя Николая Чудотворца, приписанная к собору Святого Андрея Первозванного. Часовня размещалась на Благовещенском (с 1855 года Николаевском)¹⁸ мосту через Большую Неву, построенном по проекту инженера С. В. Кербедза и архитектора А. П. Брюллова при участии инженера М. Г. Дестрема. Она была возведена по проекту А. И. Штакеншнейдера в центральной части первого постоянного моста через Большую Неву, ближе к Васильевскому острову. Часовни была облицована мрамором, в ней находился замечательный по красоте образ святителя Николая; снаружи на стене часовни находился образ святого благоверного князя Александра Невского. Каждый четверг причт собора Андрея Первозванного совершал в часовне молебны¹⁹.

Об этой часовне упоминает испанский писатель Хуан Валера в записи под 28 января 1857 года: «На этом третьем этаже в нашем распоряжении множество гостиных, один зал с бильярдом и с видом на Неву. Рядом с домом — Николаевский мост, в своем роде прекрасное сооружение, соединяющее Васильевский остров с другой частью города. Посредине моста возвышается изысканная часовня, посвященная святому, который дал мосту имя; образ святого Николая, почитаемого здесь, создан из богатой мозаики, сделанной в самом Санкт-Петербурге»²⁰.

Хотя сама часовня не сохранилась до наших дней, мы можем достаточно ярко представить себе ее вид благодаря тщательному описанию, составленному в 1858 году Теофилом Готье.

«Я имел полную возможность рассмотреть в подробностях очаровательную часовню, воздвигнутую в честь святого Николая Чудотворца на месте, где соединяются подвижные части моста, — сообщает французский писатель. — Это прелестное зданье построено в типично византийско-московском стиле, который так хорошо соответствует православному культу и который я с удовольствием хотел бы видеть повсюду в России. Это строение сложено из голубоватого гранита, на каждом углу помещена колонна с капителями в композитном стиле, посредине охваченная браслетом и прочерченная каннелюрами²¹, да не прямыми, а ломанными вверху и внизу. Двойной цоколь поддерживает опору свода и выгранен торчащими наружу остриями. По трем фасадам здания идут три проема, по четвертой стороне — сплошная стена, на ней в мозаике из драгоценных камней изображен святой покровитель церкви, в стихаре, с золотым нимбом над головой, с открытой книгой в руке и в окружении склоненных небесных фигур.

¹⁷ АиФ-Петербург, 2003, № 36. С. 1.

¹⁸ Первоначально мост назывался Благовещенским, так как начинался от Благовещенской площади (в советское время — площадь Труда). В феврале 1855 года в связи с кончиной императора Николая I мост переименовали в Николаевский, поскольку император «оказал благодеяние жителям столицы».

¹⁹ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 91.

²⁰ Валера Хуан. Письма из России. СПб., 2001. С. 132—133.

²¹ Каннелюра — архитектурная деталь, желобообразное углубление на колонне.

Богато выделанные балконы слесарной работы завершают два боковых свода. Свод, к которому ведет лестница, является входом в часовню. Украшенные старославянскими надписями, со звездами на акротериях, карнизы отделаны рядом орнаментов в форме сердец, которые перемежаются с вырезами в форме зубцов. Крыша пирамидальной формы, ребристая, с нервюрами на каждом квадрате, вся покрыта золотой чешуей. Наверху находится типично московский купол с расширением пузырем, которому нельзя придумать сравнения лучшего, чем с луковицей тюльпана. Купол усеян звездами и заканчивается православным крестом с полумесяцем внизу, под которым сияет золотой шарик. Мне удивительно нравятся эти позолоченные крыши, особенно когда снег присыплет их как бы серебряными опилками и придаст им вид старого серебра с полустершейся позолотой. Они начинают играть редкими, изысканными тонами, и эффекты такого рода совершенно не известны в других местах»²².

Иностраннный путешественник Анри Руссель-Киллуг, посетивший Петербург осенью того же 1858 года, что и Готье, пишет о ней: «При входе на мост, направо, стоит маленькая часовня, перед которой прохожие останавливаются, снимают шапки и начинают креститься с правого плеча на левое»²³. Но путь этого автора лежал через всю Россию и далее в Австралию, и вполне понятно, что он лишь кратко сообщил об увиденном.

Поэтому снова вернемся к запискам Т. Готье. Вот что увидел он на Благовещенском мосту, где на правом быке моста, в промежутке между крыльями разводного пролета, была построена часовня. «Перед иконой днем и ночью горит лампада, — пишет Т. Готье. — Проезжая мимо часовни, извозчики берут поводья в одну руку, другой снимают шапку и крестятся. Прохожие мужики прямо в снег кладут земные поклоны. Солдаты и офицеры, проходя мимо, произносят молитву, стоя неподвижно с непокрытой головой. И это в 12 или 15 градусов мороза! Женщины поднимаются по лестнице и после многочисленных коленопреклонений целуют образ. Вы можете подумать, что подобное поведение принято только у простых, непросвещенных людей. Но нет, это не так. Никто не проходит мост, не проявив знаков уважения по отношению к святому покровителю часовни, и в копилки, поставленные по обе стороны часовни, льются рекой копейки»²⁴.

В октябре 1918 года Николаевский мост переименовали в мост Лейтенанта Шмидта, в честь Петра Петровича Шмидта, руководившего восстанием на крейсере «Очаков» в 1905 году и казненного за это. Памятник Петру Шмидту предполагали установить на месте часовни, когда ее сносили весной 1930 года²⁵. Капитальная реконструкция, в результате которой исчезла часовня, относится к 1930-м годам. Находящуюся на старом разводном пролете часовню Николая Чудотворца восстанавливать не стали. К тому времени она превратилась в склад для инвентаря мостовых уборщиков. На месте снесенной часовни предполагалось установить памятник лейтенанту Шмидту. Вопрос о новой реконструкции моста возник в 2004 году. 15 августа 2007 года состоялось торжественное открытие реконструированной переправы. Ей возвратили прежнее название — Благовещенский мост, но часовня так и не была восстановлена...

Собор во имя Воскресения Христова (Спас на Крови) (с августа 1923 года по декабрь 1927 года — кафедральный собор)

Храм Воскресения Христова построен на том месте, где 1 марта 1881 года членом «Народной воли» террористом И. И. Гриневицким был смертельно ранен император

²² Готье Теофиль. Указ. соч. С. 64.

²³ Руссель-Киллуг А. Через Сибирь в Австралию и Индию. Изд. 2-е. СПб., 1875. С. 8.

²⁴ Готье Теофиль. Указ. соч. С. 64.

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости, № 219, 22 ноября 1997. С. 4.

Александр II. Первоначально на месте покушения на деньги купца 1-й гильдии Громова была возведена часовня по проекту архитектора Н. Л. Бенуа; в часовне ежедневно служились панихиды по убиенному императору. Когда в 1883 году стали строить собор, часовня была перенесена на Конюшенную площадь.

В конкурсе на проект храма, который решено было возвести на месте покушения, приняли участие многие крупные русские архитекторы. Во втором туре высочайшее одобрение получил проект академика архитектуры Альфреда Александровича Парланда и архимандрита Троице-Сергиевой пустыни Игнатия (в миру — И. В. Малышева). Закладка храма состоялась 6 октября 1883 года, земляные работы были начаты в 1886 году; в композиции собора были широко использованы приемы и формы храма Василия Блаженного (Покрова Пресвятой Богородицы) в Москве и Владимирского собора в Киеве (знаменитые росписи которого выполнены В. М. Васнецовым, М. В. Нестеровым и М. А. Врубелем)²⁶.

Особое место в интерьере храма занимала сень, установленная на месте, где император был смертельно ранен. Сень была выполнена по рисунку А. А. Парланда и установлена в июле 1907 года. Сень завершалась высокой восьмигранной пирамидой и крестом, выполненным из 112 великолепных топазов. Сень оградил балюстрадой и ажурными металлическими решетками, которые были установлены уже после освящения храма, в 1913 году. В пол под сенью были вмонтированы части решетки Екатерининского канала и камни булыжной мостовой, те самые, на которые упал смертельно раненный император²⁷. «В том месте, где царь Александр II пролил свою кровь, пав жертвой покушения в 1881 году, стоял „Спас-на-Крови“ с многоцветными куполами, — вспоминал финский писатель Тито Коллиандер. — В центре церковного зала находилась окруженная оградой территория нетронутой мостовой, куда посетители имели обыкновение бросать копейки...»²⁸

Великолепны мозаичные иконы храма. Некоторые из них выполнены в традициях академической живописи по эскизам А. П. Рябушкина, Н. А. Кошелева, Н. К. Бодаревского; некоторые — в традициях стиля модерн по эскизам М. В. Нестерова и В. В. Беляева; в композициях В. М. Васнецова и Н. Н. Харламова использованы традиции византийской иконописи²⁹.

Собор Воскресения Христова был единственным храмом Санкт-Петербурга, который получил те же права на государственное содержание, что и кафедральный собор Святого Исаакия Далматского. В храме Воскресения Христова не крестили, не отпевали, не венчали, не свершали обычных треб приходской церкви. Но здесь ежедневно служили панихиды и читали проповеди, которые привлекали в собор огромное количество прихожан.

После передачи в 1923 году Исаакиевского собора Обновленческой церкви собор Воскресения Христова был сделан кафедральным. Но это не помешало проведению варварских изъятий церковных ценностей из храма, иногда сопровождавшихся разрушением его интерьеров. С декабря 1927 года собор являлся главным храмом иосифлян — движения, не признававшего компромиссов местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) с советской властью. 30 октября 1930 года специальным постановлением ВЦИК собор был «приговорен» к закрытию, и 18 ноября иосифлянская община сдала храм властям. В постановлении указывалось, что здание предполагается передать Обществу политкаторжан и ссыльнопосе-

²⁶ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 53.

²⁷ Там же. С. 55.

²⁸ Коллиандер Тито. Петербургское детство. Главы из воспоминаний // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 2. М.; СПб., 1995. С. 30.

²⁹ Там же. С. 54–55.

ленцев. Однако выставка, посвященная «Народной воле», устроенная этим обществом, в соборе пробыла недолго, с середины 1930-х годов ее сменила свалка мусора, готовился снос здания³⁰.

К этому времени все же сохранились иконы, украшающие наружные стены храма. Входы в собор расположены с северной и южной сторон и решены как притворы с крыльцами на гранитных колоннах. На том месте, где обычно в храмах располагается главный вход, на фасаде было установлено Распятие, исполненное по рисунку М. В. Нестерова. И даже в разгар антирелигиозной пропаганды к нему не зарастала тропа православных верующих. Об этом свидетельствует испанский журналист, прозаик, поэт, драматург Феликс Рос (1912–1974), посетивший город на Неве в первой половине 1930-х годов.

До завтрака мы уже успели прогуляться: прошли по садикам, которые окружают Русский музей, и с удивлением обнаружили в двух шагах от нашей гостиницы византийский храм. Позже нам рассказали, что мы видели храм Спаса-на-Крови, построенный на месте покушения на Александра III, в благодарность за то, что покушение — на этот раз — не удалось³¹. Нам на первый взгляд показалось, что храм был построен в давние времена. Эти купола-луковицы, похожие на шары, готовые взлететь, спасают византийский стиль от тяжеловесности, которая была присуща его романскому близнецу-современнику вплоть до появления первых сводов и люнетов, до возникновения клюнийской архитектурной школы. Мы подходим ближе к небольшому храму красноватого цвета; вокруг него снуют повозки и грузовики, груженные зерном. Храм стоит в месте, где канал разделяется на два, в серой воде отражение его золоченых куполов словно нарезано ломтиками: по каналу медленно движется драга, которая чистит дно. Ратина привлекает наше внимание: — Mais... Voyez la vieille. C'est formidable!³²

Под навесом, который образует один из пологих сводов, на высоте метров восьми я вижу мозаичное панно, изображающее Спасителя. Какая-то старушка подошла к этому панно и стоя молится. Нас это поражает. Проходящие мимо солдаты даже не смотрят на нее. Старушка крестится по-православному и целует ноги Распятого. Но она здесь не одна: мы еще продолжаем обсуждать первую богомолицу, когда рядом с ней появляется другая и, раскинув руки, опускается на колени. Вот подходит и третья, помоложе, с ребеночком на руках — она поднимает его повыше, чтобы и он поцеловал Спасителя. Француз хватается за фотоаппарат, но как всегда порывисто, не как опытный журналист, так что потом на снимке мало что можно было разобрать. Мы приходили к этому месту еще несколько раз, и всегда наблюдали, как кто-то молится — иногда это были молоденькие девушки³³.

Конфигурация ограды собора сегодня разорвана на две части: это произошло в 1960-х годах из-за прокладки трамвайного проезда в сторону тогдашнего Кировского (ныне Троицкого) моста. А прежде она оплетала все пространство от Корпуса Бена до часовни-ризницы, повторяясь в орнаментальных мотивах храма.

Большинство искусствоведов единодушны в том, что создателем ее был Альфред Парланд, по чьему проекту был построен храм. Полукруглая решетка Михайловского сада длиной более 250 метров была изготовлена в 1903–1907 годах на художественно-слесарном заводе «Карл Винклер». К этому времени во всех жанрах искусства, в том

³⁰ Там же. С. 58–59.

³¹ Рос допускает двойную неточность. Храм воздвигнут на месте, где в 1881 году был смертельно ранен император Александр II.

³² Только взгляните на эту старушку! Это потрясающе! (франц.)

³³ Рос Феликс. Южанин в России // Образ Петербурга в Испании. СПб., 2003. С. 186–187.

числе в архитектуре, прочно укрепились стилистика модерна. Одной из самых распространенных его примет стало использование растительного орнамента³⁴.

Ограду собора украсили листья и цветки *пассифлоры* (по-русски — *страстоцвет*: *passio* — страдание, *flos* — цветок). Его родина — леса Южной Америки. Первое известное описание пассифлоры сделал в 1553 году испанский священник Педро Съеса де Леон, а свое нынешнее название растение получило век спустя благодаря итальянцу Джованни Батиста Феррари.

Будучи ботаником и одновременно членом ордена иезуитов, он увидел сходство строения цветка с орудиями страстей Господних: «Тройное рыльце изображает три гвоздя, кружок искрапанных красным цветом тычинок — окровавленный терновый венец, стебельчатый плодник — чашу, пять пыльников — пять ран Спасителя, трехлопастный лист — копие, прицепки (усики) — плети, белый цвет — безвинность Спасителя».

Научный труд Феррари «De Flogum Culture» был издан в Риме и получил признание в Европе. Так, благодаря итальянскому ученому перекочевавшая в Старый Свет пассифлора стала не только украшением садов и дворцовых залов, но и символом мученичества Христа. Это ее красивой цветочной символики, конечно же, не могли пройти поэты эпохи романтизма. Генрих Гейне писал, словно бы повторяя подмеченные иезуитом детали: «Как будто бы в застенке палача, / На нем видны орудья мук Христовых: / Все, от креста, веревок и бича / До молота — с венцом из игл терновых»³⁵.

Пассифлора на садовой ограде собора была как нельзя кстати. Вместе с храмом и часовней-ризницей ограда входила в единый архитектурный ансамбль, посвященный памяти царя-освободителя. Для людей начала XX века религиозная символика, как и связанная с ней символика модерна, читались с очевидностью: страсти Господни, выражением которых была пассифлора, канонически завершались Воскресением Христовым, а именно — собором, освященным в честь главного православного праздника. Если мысленно посмотреть на архитектурный мемориал сверху, то открывается четко различимый образ: храм, подобный голове Спасителя, на которую надет терновый венец в виде полуциркульной ограды.

Страстоцвет отлично прижился и на поэтической почве Серебряного века. В этом отношении особенно показательным стало творчество Тэффи. На титуле ее сборника, увидевшего свет в 1923 году в эмиграции, значилось *Passiflora* — латинские буквы казались поэтессе более уместными, ведь книга была издана в Берлине. Однако лучшее стихотворение сборника Тэффи назвала по-русски — «Страстоцвет», в нем были и такие строки: «*Passiflora* — скорбное слово, / Темное имя цветка... / Орудия страсти Христовой — / Узор его лепестка»³⁶.

...После войны храм использовался в качестве склада декораций Малого оперного театра. Драгоценная сень, установленная на месте смертельного ранения императора Александра II, была почти полностью разрушена. От нее сохранились лишь четыре яшмовые колонны с надкапительными столбиками и мозаичными вставками в них, а также часть балюстрады из орлеца.

20 июля 1970 года собор, на протяжении многих десятилетий подвергавшийся разрушению и опустошению, был передан по решению Ленгорисполкома в ведение Государственного музея «Исаакиевский собор» и сделан его филиалом. С середины 1990-х годов ведутся переговоры о возвращении собора Санкт-Петербургской епархии³⁷.

³⁴ Тарасов Дмитрий, Тарасова Анна. Страстоцвет у Спаса-на-Крови // Санкт-Петербургские ведомости, 14 мая 2021. С. 5.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 59.